

ОГРАНИЧЕНИЕ ПРАВА УЧАСТНИКА НА ОСПАРИВАНИЕ СДЕЛОК ЮРИДИЧЕСКОГО ЛИЦА: СИСТЕМНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

УДК 346: 347.133: 347.41

МИХАЙЛОВ Д.И.,

кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин
Гомельского государственного университета
имени Ф.Скорины

dimin.mitr@yandex.by

АННОТАЦИЯ

В статье исследуется проблема обоснованности применения запрета на оспаривание договоров юридических лиц (далее – юрлицо) в связи с принятием их исполнения и отсутствием встречного исполнения в отношении исков участников, акционеров и собственников имущества соответствующих организаций. Обосновывается вывод о применении указанного правоограничения в отношении косвенных исков участников в зависимости от единства или дифференциации прав и законных интересов организации и участника, оспаривающего ее сделку, не одобренную уполномоченным органом.

Ключевые слова: ограничение права, оспаривание сделок, эстоппель, юридическое лицо, хозяйственное общество, принятие исполнения, участник (акционер), собственник имущества.

Законодательное закрепление ограничения права на оспаривание договоров в связи с принятием их исполнения (ст. 401¹ проекта изменений в Гражданский кодекс Республики Беларусь от 7 декабря 1998 г. (далее – ГК)) затронет, в частности, сделки юридических лиц, совершенные с превышением полномочий исполнительного органа [1]. При этом эффективность такого правоограничения во многом зависит от разрешения ряда гражданско-правовых проблем, обусловленных как спецификой корпоративных правоотношений, так и особенностями реализации дееспособности юридических лиц.

Правило ст. 401¹ проекта изменений в ГК поставит реализацию права на оспаривание сделок юрлиц, совершенных с превышением уставных полномочий их исполнительных органов, крупных сделок и сделок с заинтересованностью аффилированных лиц хозяйственных обществ (далее – хозяйственное) в зависимости от принятия и осуществления исполнения таких сделок, а также от того, будут ли они оспариваться в суде самими организациями или их участниками. Одной из значимых проблем, влияющих на эффективность реализации принципа «эстоппель», является проблема определения надлежащего субъекта, в интересах которого правилами ст. 175 ГК, ст.ст. 57 и 58 Закона Республики Беларусь от 9 декабря 1992 г. №2020-XII «О хозяйственных обществах» (далее – Закон №2020-XII) предусмотрено право на оспаривание сделок, совершенных в отсутствие одобрения высшего или наблюдательного органов.

Гражданско-правовая природа принципа «эстоппель» основана на определении приоритета в защите имущественных интересов добросовестной стороны договора, предоставившей исполнение, перед ущемленным оспоримой сделкой интересом другой стороны, не предоставившей встречное исполнение [2].

Однако такой подход в значительной степени игнорирует интересы третьих лиц, которые затронуты недействительной сделкой. Применительно к реализации принципа «эстоппель» в отношении не соответствующих законодательству ничтожных сделок данная проблема возникнуть не может. Обусловлено это тем, что запрет на установление факта ничтожности и (или) применение последствий недействительности договоров в связи с принятием их исполнения распространяется на иски не предоставивших встречное исполнение участников ничтожных сделок, но не на иски третьих лиц, чьи интересы были затронуты данной сделкой.

На наш взгляд, исковое требование участника или акционера о признании недействительности крупных сделок и сделок с заинтересованностью аффилированных лиц хозяйществ в зависимости от толкования ряда норм следует квалифицировать как разновидность косвенных исков, поданных в защиту интересов юридического лица, принявшего исполнение и не исполнившего оспариваемую сделку.

Относительно сделок, совершенных юрлицом с превышением уставных полномочий его исполнительного органа, необходимо отметить недостаточную определенность субъектного состава, обладающего правом на их оспаривание. В связи с этим необходимо дифференцировать имущественные интересы юрлица и его участников.

Исходя из абсолютного приоритета имущественных интересов юрлица перед инте-

ресами отдельных его участников как принципа корпоративных правоотношений, запрет на реализацию права на оспаривание неодобренных высшим или наблюдательным органом юрлица сделок в связи с принятием их исполнения следует признать целесообразным. Целесообразность применения данного запрета в отношении организации обусловлена тем, что с точки зрения принципа «эстоппель» интересы юридического лица как стороны оспоримого договора, в пользу которой сложился дисбаланс его исполнения, обретают меньший приоритет в сравнении с интересами контрагента. Тем не менее такая целесообразность, на наш взгляд, относительна, так как процесс выражения воли организации при заключении договора в отсутствие его обязательного одобрения не является безупречным.

При регламентации корпоративных отношений, исходя из условного (относительного) приоритета интересов юрлица перед интересами его участников, запрет на оспаривание договоров в связи с принятием организацией исполнения следует считать целесообразным только в том случае, если оспариваемый договор наносит ущерб юрлицу, но не может повлечь имущественные потери для его участников (акционеров).

В случае регламентации корпоративных отношений посредством правил о сочетании интересов организации и его участников запрет на оспаривание частично исполненных в пользу организации сделок целесообразен, если оспариваемая сделка не только не причиняет ущерба участнику (акционеру), но и не создает угрозы ущемления его имущественных интересов в будущем.

Однако в нормах действующего гражданского законодательства не нашел отражение ни один из принципов правового регулирования корпоративных отношений, определяющих систему приоритетов участников данных отношений. Это существенно усложняет уяснение правовой природы ограничения права на оспаривание сделок юрлиц, совершенных в отсутствие надлежащего одобрения, и, соответственно, – обоснование юридической целесообразности применения правила «эстоппель» в отношении указанной категории оспоримых договоров. Тем не менее и в отсутствие законодательного закрепления принципов корпоративных правоотношений, определяющих систему приоритетов интересов их участников, ограничение права на оспаривание сделок юридических лиц, совершенных без надлежащего одобрения, может быть эффективным при минимизации влияния ряда иных правовых проблем, обусловленных спецификой данной категории оспоримых сделок.

Целью данной работы является анализ частных правовых проблем, которые могут существенно осложнить реализацию ограничения права на оспаривание договоров юрлиц, заключенных в отсут-

ствии надлежащего одобрения, при их оспаривании участниками, акционерами и собственниками имущества данных организаций.

В отличие от правил ч. 6 п. 1 ст. 65.2 и ч. 1 ст. 174 Гражданского кодекса Российской Федерации, правило ст. 175 ГК предоставляет участнику юрлица право на оспаривание сделки, совершенной с превышением уставных полномочий исполнительного органа управления, исключительно в зависимости от толкования понятия лица, в интересах которого полномочия директора (правления) были ограничены уставом. Как отмечают Витушко В.А. и Шимкович М.Н., данная норма (ст. 175 ГК), в отличие от ст. 184 ГК, направлена на обеспечение интересов юрлица [3]. Следовательно, иск о признании соответствующей сделки недействительной может быть предъявлен только самим юридическим лицом, но не его участниками (акционерами) [3].

Аналогичной позиции придерживается и Козыревская Л.А. [4]. Исходя из востребованного в настоящее время правоприменительной практикой толкования данного правила, участник организации наряду с юридическим лицом признается субъектом, в интересах которого полномочия директора (правления) были ограничены уставом. Однако и в этом случае участник (акционер) может рассматриваться как обладатель права на оспаривание рассматриваемой сделки с целью защиты интересов юридического лица или комбинированного интереса, но никак не своего персонального, обособленного от организации интереса [5]. При этом в случае законодательного закрепления запрета на оспаривание договоров в связи с принятием юрлицом их исполнения от эффективного разграничения нарушенных интересов самой организации и ее участника может зависеть распространение указанного запрета не только на исковые требования самого юрлица, но и его участников.

Под комбинированным интересом, по нашему мнению, следует понимать имущественный интерес юрлица, затрагивающий интерес участника (акционера). Под персональным интересом участника или акционера следует понимать законную имущественную привилегию данного лица, реализации которой в той или иной степени препятствует сделка, совершенная директором юридического лица с превышением полномочий. Примером ущемления персонального интереса участника (акционера) может служить отчуждение юридическим лицом имущества субъекту, являющемуся прямым конкурентом одного из его участников, вследствие чего у участника может возникнуть упущенная выгода. Подобная сделка соответствует интересу организации, а также комбинированному интересу организации и ее участника, но при этом противоречит персональному интересу участника (акционера), который ущемляется в результате усиления его конкурента.

В любом случае, исходя из буквально-смыслового толкования правила ст. 175 ГК, ограничение полномочий исполнительного органа управления следует рассматривать как правоограничение, установленное в интересах юрлица, которое может тем или иным образом затрагивать интерес участника или представлять собой их общий интерес. При наличии факта указанной взаимосвязи или обобществления интересов юрлица и его участника у последнего, в зависимости от толкования правила ст. 175 ГК, может возникнуть право на оспаривание сделки, совершенной директором (председателем правления) с превышением полномочий.

Однако вне зависимости от толкования правила ст. 175 ГК право участника (акционера) на оспаривание сделки, совершенной с превышением уставных полномочий, не может возникнуть в силу факта ущемления данной сделкой такого интереса участника, который не связан с интересом (деятельностью) юрлица. Иными словами, участник (акционер) не может сослаться на оспаривание сделки, основываясь на нарушении права на участие в управлении организацией, которое привело к ущемлению его собственного (персонального) интереса, не связанного с интересом юрлица. Применительно к реализации принципа «эстоппель» это означает, что участник организации ни при каких обстоятельствах не может квалифицироваться как третье лицо, оспаривающее сделку, совершенную с превышением уставных полномочий, для защиты собственного интереса, затронутого данной сделкой. Следовательно, иск такого участника должен быть квалифицирован как косвенный иск, то есть требование в защиту интересов юрлица. Тем не менее внутреннее смысловое противоречие в содержании правила в ст. 175 ГК порождает проблему реализации принципа «эстоппель» применительно к искам участников об оспаривании сделок, совершенных с превышением уставных полномочий.

С одной стороны, данная норма связывает возникновение права на оспаривание именно с защитой интереса недостаточно определенного субъекта – носителя данного права, а с другой – эта норма прямо не предусматривает ущемление интереса в качестве условия удовлетворения соответствующего иска. Иными словами, удовлетворение иска об оспаривании не одобренной высшим или наблюдательным органом сделки согласно ст. 175 ГК должно иметь место по факту только самого неодобрения, то есть нарушения права. А само право на соответствующий иск согласно данной норме возникает в связи с наличием законного интереса. До законодательного закрепления правил, основанных на принципе «эстоппель», такая неопределенность не порождала правоприменительных проблем, так как соответствующие иски удовлетворялись судами по факту неодобрения, вне зависимости от ущемления

имущественных интересов как самой организации, так и участника. Однако возможное законодательное закрепление ограничения права на оспаривание в связи с принятием исполнения договора неизбежно повлечет вариативность толкования правила ст. 175 ГК с учетом соотношения нарушенного права и ущемленного интереса.

С точки зрения системно-смыслового толкования правила ст. 401¹ проекта изменений в ГК принятие стороной договора при полном или частичном встречном исполнении влечет за собой запрет на его оспаривание не только для данной стороны и ее представителя (поверенного, директора, антикризисного управляющего), но и для иных субъектов гражданских правоотношений, действующих в интересах указанной стороны договора, в частности, доверительных управляющих и участников (акционеров) юрлиц. Таким образом, принятие юрлицом исполнения при отсутствии встречного исполнения по оспоримому договору исключит реализацию права на его оспаривание не только для самого юрлица, чей исполнительный орган превысил уставные полномочия, но также и для его участника. В основе системно-смыслового толкования правил ст.ст. 401¹ и 175 проекта изменений в ГК лежат следующие аргументы:

1) иск об оспаривании сделки, совершенной с превышением уставных полномочий, предназначен для соблюдения устава соответствующей организации;

2) участник, который в зависимости от толкования анализируемого правила правомочен оспаривать сделку, устраняет таким образом нарушение устава своей организации, а не нарушение, допущенное в отношении него лично, несмотря на нарушение его права на участие в управлении данной организацией;

3) дисбаланс исполнения и встречного исполнения договора, допущенный юрлицом, с точки зрения принципа «эстоппель» исключает законность и обоснованность оспаривания данного договора для устранения нарушения устава этой организации, несмотря на то что соответствующее требование было заявлено не самой организацией, а ее участником.

Возможен и буквальный вариант толкования правил ст.ст. 175 и 401¹ проекта изменений в ГК, в соответствии с которым участник, правомочный оспаривать сделку, совершенную с превышением уставных полномочий, в силу его самостоятельной материальной и процессуальной правосубъектности сохраняет данное право независимо от его утраты юридическим лицом, заключившим оспоримую сделку в связи с принятием ее исполнения.

При этом данное право участника возникает несмотря на прекращение права на тождественный иск у самого юрлица, обусловленное дисбалансом исполнения договора. В основе такого толкования лежит буквально прочтение правил ст.ст. 44, 45 и 52 ГК, согласно которому утрату юрлицом любого права, в

том числе на оспаривание договора в связи с принятием его исполнения, следует квалифицировать как реализацию правосубъектности самой организации, но не ее участника или акционера, осуществление которой не зависит от юридически значимых действий (бездействий), совершенных самой организацией. Слабой стороной данного толкования правил ст.ст. 175 и 401¹ проекта изменений в ГК является игнорирование целевой направленности права на оспаривание сделок, совершенных с превышением полномочий директора. Целевая направленность указанного права предполагает устранение имущественных и иных последствий нарушения порядка реализации дееспособности юридического лица в смысле правил ст.ст. 48, 49 ГК.

Кроме того, данный вариант, на наш взгляд, представляется менее обоснованным по сравнению с вышерассмотренным системно-смысловым по причине его излишней формализованности и недостаточного соответствия принципам гражданского права, в частности, добросовестности, невмешательства в частные дела и юридического равенства.

Более обоснованным, по нашему мнению, является запрет на косвенный иск об оспаривании сделки, совершенной с превышением уставных полномочий, обусловленный дисбалансом исполнения. При этом данный запрет должен распространяться и на иск собственника имущества унитарного предприятия или учреждения, основанный на праве, предусмотренном ст. 175 ГК. Однако применительно к договорам, заключенным директором унитарного предприятия или учреждения, следует дифференцировать следующие правонарушения:

1) превышение полномочий директором и нарушение правил распоряжения имуществом самим унитарным предприятием или учреждением как ограниченным вещным правообладателем;

2) несоблюдение директором унитарного предприятия или учреждения ограничений, предусмотренных законом и уставом.

Если в зависимости от толкования правил ст.ст. 167, 169, 175, 278, 279 ГК сделки унитарного предприятия или учреждения, не одобренные собственником имущества, будут признаны не оспоримыми в силу превышения уставных полномочий, а ничтожными – по причине нарушения норм о реализации ограниченных вещных прав, то правило «эстоппель» не будет распространяться на иск собственника об установлении факта ничтожности. Обусловлено это тем, что данное требование собственника следует квалифицировать не как иск, направленный на восстановление нарушенного права организации, а как иск, поданный третьим лицом в защиту его интереса, нарушенного ничтожной сделкой [6]. Однако судебная практика в настоящее время тяготеет к приоритету права на оспаривание сделок унитарных предприятий, совершенных их директорами с превышени-

ем полномочий [7; 8; 9]. Например, в решении от 22 августа 2012 г. (дело №332-4/12) хозяйственный суд г. Минска исключил обоснованность отнесения сделки, совершенной директором унитарного предприятия с превышением уставных полномочий, к ничтожным, не соответствующим законодательству, признав контрагента ненадлежащим истцом, не наделенным правом на оспаривание сделки согласно правилу ст. 175 ГК [7]. Аналогичный вывод нашел отражение в постановлении апелляционной инстанции хозяйственного суда Могилевской области от 23 февраля 2009 г. (дело №383-6/2008/24А), но уже не только применительно к сделке унитарного предприятия, подлежащей одобрению в силу его устава, но и в соответствии с правилом ст. 276 ГК, запрещающим распоряжение недвижимым имуществом в отсутствие согласия собственника [8]. Однако при рассмотрении дела №94-26/2012/610А/810К суд пришел к выводу о ничтожности сделки, совершенной директором унитарного предприятия с превышением полномочий, в силу несоблюдения установленного ст. 276 ГК требования об одобрении собственником имущества сделок с недвижимым имуществом [9].

В отличие от сделок, совершенных с превышением уставных полномочий, право участника или акционера на оспаривание крупных сделок и сделок с заинтересованностью аффилированных лиц хозяйственных обществ прямо предусмотрено ст.ст. 57 и 58 Закона №2020-XII. Однако само по себе законодательное закрепление такого права не позволяет признать иск участника (акционера) требованием, направленным на восстановление нарушенного права самого участника, а не только хозобщества. Тем не менее в правилах ч. 2 ст. 57¹ и ч. 11 ст. 58 Закона №2020-XII содержится положение, дифференцирующее имущественные интересы самого хозобщества с одной стороны и его участников (акционеров) – с другой. В соответствии с указанными правилами иск о признании недействительными сделок с заинтересованностью и крупных сделок хозобщества не подлежит удовлетворению, если не доказано, что в результате данных сделок обществу или его участникам (акционерам) были причинены убытки, а равно иные неблагоприятные для них последствия. Однако наличие этого правила в ст.ст. 57¹ и 58 Закона №2020-XII еще не означает обоснованность самостоятельности исков участников (акционеров), исключающую возможность отказа в его удовлетворении на основании правила ст. 401¹ проекта изменений в ГК в связи с принятием обществом исполнения по оспариваемой крупной сделке или сделке с заинтересованностью. Речь может идти о наличии двух вариантов толкования правил ст.ст. 57, 57¹, 58 Закона №2020-XII применительно к правоограничению «эстоппель», предусмотренному ст. 401¹ проекта изменений в ГК.

В соответствии с буквально-смысловым вариантом толкования указанных правил иск участника

или акционера об оспаривании крупной сделки или сделки с заинтересованностью является косвенным, поданным исключительно в защиту интересов хозяйственного общества, а не его участника. В основе данного прочтения правил ст.ст. 57, 57¹ и 58 Закона №2020-XII лежат следующие аргументы:

1) иск участника направлен на восстановление нарушенного права хозяйственного общества, а не отдельного участника, так как рассматриваемые сделки подлежат одобрению большинством голосов незаинтересованных участников, а не каждым из них в отдельности;

2) совершение исполнительным органом общества сделки без одобрения высшего или наблюдательного органа нарушает порядок реализации дееспособности организации, установленный для защиты ее имущественных интересов, а вторично – интересов участников, которые являются производными;

3) убытки или иные неблагоприятные для участника (акционера) последствия, являющиеся факультативным (дополнительным) основанием удовлетворения иска об оспаривании крупной сделки (сделки с заинтересованностью), следует рассматривать как производные по отношению к неблагоприятным для самого общества последствиям обстоятельства, а не как самостоятельные факты, ущемляющие интересы оспаривающего сделку участника (акционера).

Согласно системно-расширительному варианту толкования иск участника или акционера об оспаривании крупной сделки или сделки с заинтересованностью может быть смешанным, самостоятельным, обособленным от аналогичного требования самого общества или косвенным, поданным исключительно в защиту интересов общества, а не его участника. В основе данного прочтения правил ст.ст. 57, 57¹ и 58 Закона №2020-XII лежит теория неразрывности взаимосвязи между нарушенным правом и имущественным интересом, для защиты которого это право предназначено. По этой причине характер искового требования участника об оспаривании крупной сделки и сделки с заинтересованностью, а следовательно, и обоснованность запрета на реализацию этого права в связи с принятием исполнения этой сделки обществом будут зависеть от того, кому именно может быть причинен ущерб в результате совершения обществом указанной сделки.

С точки зрения системно-расширительного толкования иск участника об оспаривании рассматриваемой сделки общества будет являться смешанным, поданным в защиту имущественных интересов как хозяйственного общества, так и его участника, если участником будет доказано, что в результате данной сделки неблагоприятные последствия возникнут как у общества, так и у него самого.

При отсутствии неблагоприятных последствий для общества в результате оспариваемой крупной сделки или сделки с заинтересованностью, но в случае их наличия для оспаривающего участника его

иск, исходя из теории единства и взаимосвязи права и интереса, на наш взгляд, следует считать самостоятельным, отличным от гипотетического аналогичного требования самого общества.

При наличии неблагоприятных последствий для самого общества и при отсутствии таковых для участника, оспаривающего одну из рассматриваемых сделок, соответствующий иск следует признать косвенным, поданным в защиту интересов общества.

Таким образом, исходя из системно-расширительного толкования анализируемых норм, обоснованность запрета на оспаривание крупной сделки и сделки с заинтересованностью в связи с принятием обществом исполнения будет зависеть от степени обособленности исковых требований участника от аналогичных требований самого общества, которые могли бы быть предъявлены при сравнимых обстоятельствах.

Сильной стороной системно-расширительного толкования правил ст.ст. 57, 57¹ и 58 Закона №2020-XII является его соответствие нормам о самостоятельности участия юрлиц в гражданских правоотношениях.

Слабая сторона указанного толкования – его неполное соответствие положениям о гражданской правосубъектности юрлица, в соответствии с которыми нарушение порядка реализации дееспособности организации при совершении сделок не следует рассматривать как действие, не затрагивающее эту организацию, ее права и интересы.

В пользу обособленности исковых требований участников (акционеров) об оспаривании сделок с заинтересованностью аффилированных лиц от аналогичных требований самих обществ может быть выдвинут довод, в соответствии с которым данное право предназначено для предотвращения (минимизации) конфликта интересов участников и его влияния на общество. Исходя из такой направленности, исковое требование незаинтересованного участника может рассматриваться как самостоятельное, так как в отсутствие незаинтересованных участников (акционеров) согласно правилу ст. 57 Закона №2020-XII сделка с заинтересованностью не подлежит одобрению высшим или наблюдательным органом общества.

Однако данный довод вступает в противоречие с положением о неприменении особого порядка совершения сделок с заинтересованностью аффилированных лиц в отношении договоров, заключенных в процессе обычной хозяйственной деятельности общества. Этим положением законодатель разграничивает корпоративные конфликты относительно целесообразности расширения объема выпускаемой (реализуемой) продукции на условиях, применявшихся ранее, и иные конфликты интересов участников, взаимосвязанных и невзаимосвязанных с контрагентами общества. Такая дифференциация корпоративных конфликтов, на наш взгляд, является

значимым аргументом в пользу направленности правил о сделках с заинтересованностью, прежде всего, на защиту интересов общества от неблагоприятных условий заключаемых сделок, а не на защиту интересов участников.

Проведенный анализ норм гражданского законодательства об оспоримых сделках, не одобренных уполномоченным органом юрлица или собственником его имущества, позволяет заключить, что обоснованность распространения запрета на оспаривание указанных сделок, предусмотренного ст. 401¹ проекта изменений в ГК, на иски участников, акционеров и собственников имущества зависит от степени обособленности таких требований от аналогичных исков самих организаций. Степень самостоятельности таких требований участников зависит от взаимосвязи нарушенных прав и интересов участников, которая, в свою очередь, осложнена наличием ряда правовых пробелов.

Одним из таких пробелов следует считать недостаточную правовую определенность соотношения нарушения порядка реализации дееспособности юрлица в смысле ст. 49 ГК и нарушения права участника на участие в управлении данной организацией. На наш взгляд, соблюдение права участника организации на участие в управлении ею следует рассматривать как инструмент соблюдения установленного порядка управления организацией. Однако это не исключает обоснованность аргументов в пользу самостоятельности права участника на участие в управлении организацией, которое может быть нарушено в результате совершения сделки без одобрения высшим органом юрлица. Другим значимым пробелом является отсутствие правил о соотношении интересов организаций и их участников как субъектов корпоративных правоотношений. При этом положения ст.ст. 57¹ и 58 Закона №2020-XII о дифференциации интересов обществ и их участников не позволяют в полном объеме восполнить этот пробел, а лишь порождают множественность вариантов толкования правила ст. 401¹ проекта изменений в ГК применительно к оспоримым сделкам юрлиц. Обусловлено это тем, что указанными правилами дифференцируются интересы организаций и их участников только в качестве возможных последствий оспариваемых договоров.

Устранение данных пробелов может быть реализовано в рамках двух подходов:

1) универсального, в соответствии с которым в нормах законодательства должны быть закреплены корпоративно-правовые принципы, определяющие соотношения интересов участников соответствующих правоотношений;

2) сингулярного, согласно которому следует законодательно закрепить правила, ограничивающие права участников и собственников имущества юрлица на оспаривание сделок данных организаций в связи

с принятием их исполнения и отсутствием встречного исполнения, в зависимости от соотношения нарушенных данными сделками прав и интересов организации и ее участников.

1. О внесении изменений в некоторые кодексы Республики Беларусь: проект Закона Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://forumpravo.by/files/nczpi_zakon_projekt_izmenenija_v_kodeksi.pdf. – Дата доступа: 20.11.2020.

2. Белявский, С.Ч. Обзор планируемых к принятию новелл Гражданского кодекса Республики Беларусь // Эталон – Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020. – Режим доступа: http://etalonline.by/document/?regnum=u01903537&q_id=139226. – Дата доступа: 20.11.2020.

3. Витушко, В.А. Некоторые проблемы практического применения статей 184 и 175 Гражданского кодекса Республики Беларусь / В.А.Витушко, М.Н.Шимкович // Эталон – Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020. – Режим доступа: https://etalonline.by/document/?regnum=u02002197&q_id=2526003. – Дата доступа: 20.11.2020.

4. Козыревская, Л.А. К вопросу о правовом статусе органов управления хозяйственных обществ / Л.А.Козыревская / Теория и практика правотворчества и правоприменения: Республика Беларусь в условиях интеграционных процессов: тезисы докл. междунар. науч.-практ. конф., Гродно, 13–14 апр. 2007 г. / Гродно. гос. ун-т; редкол.: И.Э.Мартыненко (отв. ред.) [и др.]. – Гродно, 2007. – С. 248–250.

5. Решение хозяйственного суда Брестской области от 20 марта 2006 г. (дело №51-4/2006) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://etalonline.by/document/?regnum=x906b0023u&q_id=2481131. – Дата доступа: 20.11.2020.

6. Михайлов, Д.И. Установление факта ничтожности сделок юридических лиц как способ защиты имущественных интересов участников / Д.И.Михайлов // Судовы веснік. – 2020. – №2. – С. 60–66.

7. Решение хозяйственного суда города Минска от 22 августа 2012 г. (дело №332-4/12) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://etalonline.by/document/?regnum=x912o0677u&q_id=2468119. – Дата доступа: 20.11.2020.

8. Постановление апелляционной инстанции хозяйственного суда Могилевской области от 23 февраля 2009 г. (дело №383-б/2008/24А) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://etalonline.by/document/?regnum=x209m0105u&q_id=2481131. – Дата доступа: 20.11.2020.

9. Обзор практики применения судом кассационной инстанции законодательства, регулирующего недействительность сделок [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://etalonline.by/document/?regnum=x013c0004&q_id=2468119. – Дата доступа: 20.11.2020.

Материал поступил в редакцию 01.12.2020

D.I.MIKHAILOV

Restriction of the participant's right to challenging transactions of a legal entity: systemic legal aspect

The article examines the problem of propriety of the ban invocation on challenging contracts of legal entities in connection with the acceptance of their execution and the lack of counter-execution in relation to claims of participants, shareholders and property owners of the relevant organizations. The conclusion on the application of the specified legal restriction in relation to derivative claims of participants is being substantiated, depending on the unity or differentiation of the rights and legitimate interests of the organization and the participant challenging its transaction, not approved by the authorized body.

Keywords: *restriction of rights, challenging transactions, estoppel, legal entity, business entity, acceptance of execution, participant (shareholder), property owner.*

Рецензент: СЕНЬКОВА Т.В., кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой теории и истории государства и права Гомельского государственного университета им. Ф.Скорины